

(Из блокнота корреспондента)

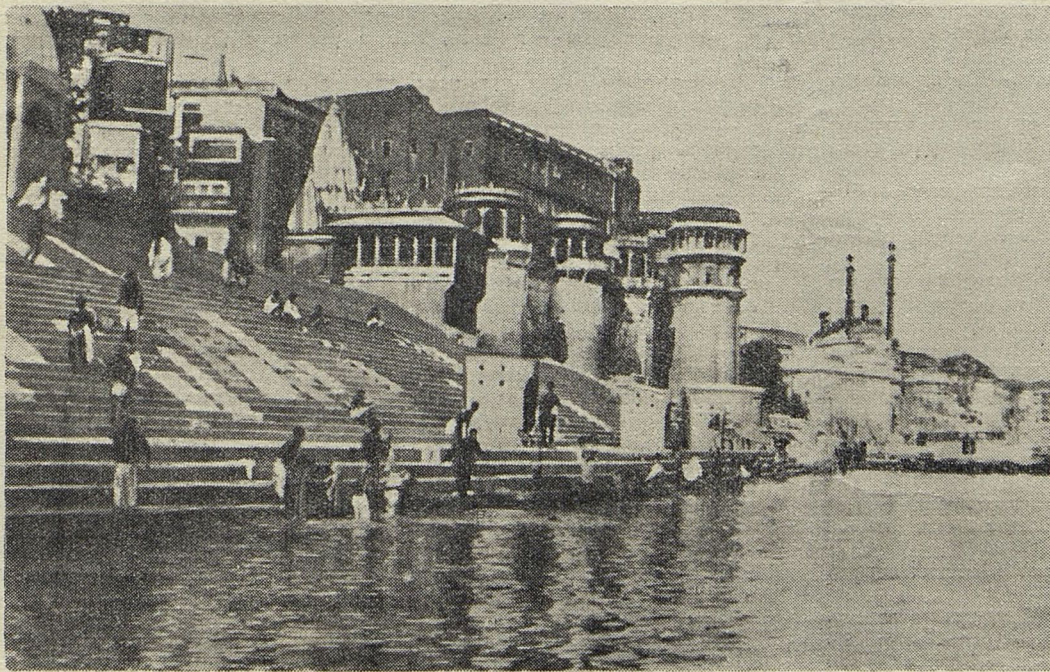
О. ОРЕСТОВ

ГОРОД В ГОРАХ

Симла находится в предгорьях Гималаев. Четыре часа машина мчится от железнодорожной станции Калка по узкой долине, лежащей между двух скалистых стен, заросших елями попеременно с пальмами и лиственными деревьями. Внизу пенится бешено несущаяся река. Дорога вьется все выше и выше, пока не достигнет горы, на склонах которой расположена Симла. Кругом Симлы леса, вдали виднеются снежные вершины Тибета.

Любимое место прогулок — гора, на вершине которой находится «Храм обезьян». Здесь, при индуистском храме, живут и кормятся тысячи маленьких и больших обезьян, считающихся священными животными. Горе туристу, который вздумал бы бросить «святым» обезьянкам горстку орехов или мандарин. Вокруг

Окончание. См. «Огонек» № 32.

На берегу Ганга (Бенарес).

него немедленно соберутся стаи рычащих, дерущихся, скалящих зубы животных, которые будут рвать у него из рук заманчивое угощение и преследовать беднягу вниз по горе, когда он будет искать пути отступления... А ударить обезьяну нельзя: это считается у индусов святотатством.

В центре Симлы большая асфальтированная улица Малл. Здесь по вечерам, до открытия дансингов и ночных ресторанов, происходит «гулянье». Малл раньше был открыт только для европейцев. Англичанки показывали друг другу привезенные из Лондона и Парижа наряды, сагибы вели деловые разговоры, похивая трубками, их белокурые дети резвились под присмотром индийских «ая» (нянек). Поскольку слуги и няньки не считались за людей, их присутствие на Малле терпели.

Малл был единственным местом, где англичане ходили пешком. Переезд же хотя бы с одной улицы на другую, от дома к месту работы, совершался на рикшах. В Симле, ввиду горного рельефа местности, коляски тащат и подталкивают сзади три — четыре рикши.

Нередко можно было наблюдать идущие одна за другой четыре коляски, запряженные людьми: в первой сидит «госпожа», отвешивающая поклоны встречным знакомым; во второй — сам сагиб; в третьей — английское дитя; в четвертой — собачка... И каждую коляску с горы на гору мчат рысью истекающие потом босоногие индийцы.

Мне пришлось побывать вторично в Симле, когда англичане уже «ушли из Индии», а по всей стране бушевала волна индусско-мусульманских побоищ. Более состоятельные индусы Пенджаба устремились в эти дни в Симлу. «Беженцы» привезли с собою миллионы рупий и полонили город. Во всем подражая англичанам, даже разговаривая только по-английски, раджи, фабриканты, помещики, ростовщики теперь властвовали и на Малле. На рикшах сидели уже не англичане, а местные богачи; нарядами щеголяли не сухопарые леди, а разодетые и увешанные золотыми украшениями пенджабские барыни. Школа, которую прошли индийские высшие классы у своих английских хозяев, сказала. Сейчас, как и в «доброе» старое время, отвешиваются пощечины нянькам; так же, до изнеможения, бегают с горы на гору возчики-рикши, полуют зуботычины слуги. Все это прикрыто фиговым листком «независимости», а газеты упорно и нудно твердят, что «народ теперь работает на свое благо...»

Несмотря на все красоты Симлы, без сожаления покидаешь этот город, ставший символом английского колониального снобизма, а теперь превратившийся в место съезда индийских богачей, унаследовавших власть от своих британских покровителей.

В СТРАНЕ «МАТЕРИ — ГАНГИ»

Поезд мчится из Дели на восток. Вокруг лежат однообразные равнины, поля, заросли колючего кустарника, залитые палящим солнцем. Можно ехать день, два, — и по обе стороны дороги будет все тот же пейзаж. Но когда поезд уходит еще дальше на восток, картина меняется: зелени становится больше, и в ней утопают маленькие деревни с хижинами, крытыми соломой. Пальмы, банановые деревья окружают небольшие пруды, к которым спускаются крестьянки с кувшинами на плечах. Нигде ни клочка свободной земли; посева, с которых собирают здесь два урожая в год, доходят до самой колеи железной дороги. Это Бенгалия, страна, орошаемая могучим Гангом, который в Индии называется «Ганга», словом женского рода. Ганга — мать. Ганга — покровительница жизни, питающая 60 миллионов жителей Бенгалии.

Калькутта — центр и столица Бенгалии — огромный город, растянувшийся вдоль одного из ответвлений Ганга — реки Хугли. Это был первый город, основанный в Индии англичанами. Из маленькой торговой фактории началось наступление британского империализма на империю Великих Моголов, закончившееся захватом всей страны. Калькутта стала столицей Индии, средоточием деятельности англичан по выкачиванию богатств Индии, по укреплению их военной и политической власти в стране.

В деловом районе города, где высятся громадные серые дома, и сейчас царствуют англичане, хотя Индия стала «независимой». В огромных зданиях банков, торговых фирм, управлений плантаций продолжают орудовать сагибы, отнюдь не желающие расставаться с прибылями, которые приносит им Индия.

Вокруг деловой части Калькутты расположены «резидентские» кварталы. Здесь также жили, да и теперь живут преимущественно англичане. Через эти кварталы проходит главная магистраль города — проспект Чоуринги с многочисленными кинотеатрами, ресторанами. В годы войны эта улица была запружена солдатами и офицерами.

Несколько десятков лет назад на месте Чоуринги была пустыня, по которой тигры доходили до города, а в зарослях ползали королевские кобры. Сейчас на Чоуринги развлекается калькуттская знать, очарованная американскими фильмами и джазами, жевательной резинкой и детективными романами.

Но настоящая Калькутта, конечно, не здесь. Она в бесчисленных узких улицах, тесным кольцом охватывающих центр. Все внимание властей всегда было обращено на благоустройство английских кварталов, остальной город утопал в грязи. Его мостовые, тротуары, канавы завалены отбросами. По улице ходят коровы, которых никто не решится согнать с тротуара, и бродячие собаки; в небе кружат стаи коршунов.

Эта грязь особенно страшна, если учесть калькуттский климат. Сильная жара в Бенгалии сочетается с необычайной влажностью воздуха. Одежда здесь никогда не просыхает — она прилипает к телу, и под ней бегут тонкие струйки пота. Металлические вещи в домах ржавеют; сахар превращается в бесформенные мокрые глыбы. Только зимою, которая по температуре напоминает наше лето, можно немного отдохнуть от этого удручающего зноя.

Здесь, в этих мрачных кварталах города, живут трудящиеся калькутты, рабочие и неимущая интеллигенция. Отсюда, как правило, направлялись к центру города, на площадь Майдан, многотысячные демонстрации, требовавшие изгнания англичан из Индии, прекращения братоубийственной резни индусов и мусульман. Здесь же зародилось студенческое движение за независимость страны.

В этих районах Калькутты находится и центр интеллектуальной жизни Бенгалии. Вокруг небольшого скверика Колледж сквер разбросаны десятки книжных и букинистических магазинов. Обычному покупателю книга отпускается за прилавком. Но если вы действительно интересуетесь Бенгалией, вас пригласят в комнатку за шкафами, к хозяину. Там

солнце,— и Дымова ревниво отметила это: «Больше тепла, и свету весь день до захода больше».

Рядки на нем шли не наобум, а так, что влага, не скатываясь, задерживалась между ними.

«Видать, Крупнов постарался,— подумала Дымова.— Все в ум взял».

Она даже не сразу обратила внимание на то, зачем так спешила сюда. Удачно-расчетливый выбор поля под плантацию удивил ее и словно заслонил все остальное.

Оглянувшись на броско поставленную у самой дороги табличку, где синей несмываемой масляной краской было обозначено, чья плантация, когда произведен посев и сколько свеклы обязалось вырастить звено, Дымова невольно вздохнула. «Передовик» славился еще и своим художником, окончившим в Воронеже изобразительную студию. Что бы Крупнов ни затевал — новую постановку, годовой отчет в диаграммах или красный обоз с хлебом,— все было хорошо, красиво оформлено, как будто для того, чтобы лишний раз подтвердить, что это не рядовой колхоз, а колхоз-миллионер.

— Удачливы миллионщики. Во всем им везет!

Дымова прошла по борозде, наклонилась и тут только увидела, что, собственно, и у Кошелевой свекла дала пока только три пары листьев. Празда, кое-где выметывалась и четвертая, но это было не так часто, и требовался наметанный, опытный глаз, чтобы заметить. Она вспомнила про Апросина и рассмеялась:

— Сахар Медович! Корень в земле видит...

На дороге показалась бричка. Серый в яблоках рысак гордо вскидывал легкую, благородной кости голову, картинно перебирал, словно пробуя дорогу, ногами. Обгоняя его, пропылил газик из МТС. Высушусь из него, директор что-то прокричал сидевшему в бричке мужчине, задорно помахал кепкой.

Рысак взял с хода, влег и, не отставая, легко и так же красиво пошел за оседающим на сторону пологом пыли.

Дымова присела на междурядье, чтобы Крупнов не узнал ее с дороги. Рысак и машина были уже далеко, на самом краю неоглядно убранный по-весеннему степи.

Прохлада земли щекотала пальцы. Влага в почве было достаточно. Немного выше, на другой стороне поля, граничившей с передвоенным паром, там и сям желтевшим редкой подслеповатой сурепкой, перепархивали по междурядьям скворцы. Смутно тревожась, Дымова прошла туда и вдруг похолодела: прошлой весной доброты-скворцы так же перепархивали на ее плантации...

Не выбирая, поддев пальцами поглубже, она вытащила из земли один корень, другой. На третьем крошечные нежные волоски были объединены все догола. Ворхнув неглубокую лунку, Дымова вздрогнула: мелкий, светлорыжеватый проволочник юлил в ней.

— Четыре, шесть, восемь,— привычно считала она.— Самая молодь еще... вчерашние, видно.

Зазернув подол праздничного шерстяного платья, но тут же, пожалев его, она сняла косынку с головы и, разостлав на междурядье, стала собирать червей.

— Что же это? Надо людей звать, спасать, перекапывать надо,— Дымова словно забыла, что пришла сюда украдкой, пришла на чужое поле, и беспокоилась теперь только о том, как бы защитить, спасти его от большой и грозной опасности.

Плантация была обработана на совесть. Звено Кошелевой видно не пожалело труда ни осенью, когда вносились удобрения под будущий посев, ни весной, когда надо было по-настоящему обработать землю.

Проволочник шел с прошлогоднего, из-под свеклы, парового клина. Межевая канавка заплыла чуть не доверху еще с осени и не могла преградить ему дорогу. Черви яро буравили землю в поисках корма, и надо было кричать, бить в набат, как на пожаре, звать на помощь, чтобы беда, застигнув врасплох, не перекинулась на всю плантацию.

Набрав целую косынку, Дымова хотела было бежать в колхоз, поднимать звено, но, вспомнив о грузовике с девочками, поняла, что все на ярмарке.

— Гулены шалапутные! — отчаянно выругалась она и, отнеся червей в колею на грейдере, вернулась обратно.

Ругая Кошелеву за то, что та недоглядела, не уберегла свою свеклу, Дымова тем не менее продолжала осматривать ряд за рядом. Не выдергивая растений, она разгребала землю вокруг и выбирала червей в косынку.

Жаркие соломинки солнечных лучей давно жгли открытую ее голову, шею, а Дымова все переходила от ряда к ряду; скворцы стаей перепархивали над ней. Потом неожиданный налетел дождь, засеял почти половину видимого степного простора крупным прохладным зерном. Высокая радуга, как мост к счастью, перекинулась с одного конца степи на другой, а под ним по прибито-беспыльной дороге потянулись с ярмарки первые подводы и машины.

Накрывшись раскинутым бордово-атласным одеялом, пробрел по обочине пчеляр Северьян, вполголоса брунжа под нос нето песню, нето шмелино одинокую жалобу на что-то. Дымова глянула на него и разогнулась.

Стреляя дымком, на дороге стоял дымчато-голубоватый «москвич», сзади тяжело утонула вываленных в колею червей полуторка, а бороздой прямо к ней в шумящем палево-поплиновом платье бежала Кошелева.

— Никитична, что же это такое, а? Никитична... — в испуганных глазах ее дрожали слезы.

— Беда, беда, видишь,— изнеможенно отозвалась Дымова, откидывая локтем сбившиеся на лицо волосы.— Зови девчат, зови всех — перекапывать надо, чтобы дальше не пошло.

Кошелева очнулась. Слезы, ровно ветром, сдуло, голос окреп.

— Э-ей, девки! — крикнула она, и с машины посыпались все, кто ехал с ярмарки, а она командовала: — Становись, по два рядка занимай каждая...

И, как была в нарядном палево-поплиновом своем платье, подоткнув подол, нагнулась, пошла рядом с Дымовой по междурядью.

Они прошли ряд и два, пока девчата не обогнали их, потом разогнулись и будто впервые обе разом поглядели друг на дружку.

— Теперь справимся, не бойся, что ты! — проговорила Дымова, пытаясь успокоить товарку.— Раз заспели, не отвалимся, пока не кончим.

— А ты, ты-то, как здесь очутилась, Никитична? — будто только увидав ее, удивилась Кошелева.— Муж тебя весь день на ярмарке искал, да и мы тоже...

Дымова, промолчав, устало смахнула пот с измазанного землей лица и оглянулась. Разбредясь по полю, девчата негромко окликались, разговаривали о чем-то своем, виденном сегодня на ярмарке.

Кошелева заступила ей дорогу.

— Иди-ка ты, садись в машину да езжай домой,— предложила она.— Мы и одни теперь управимся — спасибо.

Они вышли на грейдер. Женьку-Ефрема за рулем с весны сменила незнакомая белобрысаевая девчонка. Ловко развернувшись, она откинула дверцу:

— Садитесь, Марфа Никитична!

Дымова на прощанье хотела было еще раз утешить Кошелеву, сказать, что все обойдется, но вдруг вспомнила Апросина и засмеялась.

— Чего ты? — встревоженно покраснела Кошелева.— Придется все же посадить кое-где, как ты думаешь?

— Немного придется,— все еще смеясь, согласилась Дымова.— А спасибо ты Апросину скажи. Это он меня сюда заслал, понимаешь? По четвертому, говорит, листу у Кошелевой выметнулось!

И Кошелева, будто увидев все по-иному, тоже повеселела:

— Вот ведь! А мне даже по пятому у тебя сулил... И верно: мед сахару слаще, теперь понимаю!

Крестьянка произносит речь на собрании.

нельзя отпугивать «крайними» лозунгами и призывами к борьбе с ними. В конце концов удалось навязать съезду оппортунистические, ни к чему не обязывающие резолюции.

Много нищеты в Индии, но здесь, в Гвалиоре, она носит какой-то поголовный и особенно гнетущий характер. Люди не принадлежат сами себе: это рабы магараджи. Власть даже для вида не делают ничего в интересах народа. В бюджете княжества самая большая статья расходов — содержание магараджи и его многочисленной родни. На просвещение и санитарную отводятся крошечные ассигнования, которые на деле также тратятся на привилегированное чиновничество.

В центре Гвалиора расположен один из дворцов магараджи, окруженный роскошным парком. У ворот стоят солдаты, одетые в какую-то причудливую форму. Мы получили разрешение осмотреть дворец, так как магараджа в это время уехал в Дели — подальше от съезда. Перед входом во дворец требуется одеть головной убор, а за неимением такового накинуть на голову хотя бы носовой платок. Непокрытая голова — признак неуважения к коронованной особе.

Дворец, огромное белое здание, обставлен пышно и безвкусно. Плюш и позолота, невероятно большие люстры в залах, бесчисленные портреты предков магараджи и его английских советников. Во всем заметно подражание «Западу» самого дурного пошиба.

По праздникам магараджа Гвалиора, как и другие князья, показывается народу во всем блеске. Он надевает старинный наряд, усыпанный драгоценностями, подвязывает кривую саблю, садится на слона и движется по городу, сопровождаемый слонами, везущими придворных, слугами с опахалами, трубачами и пр. Полицейские щедро раздают палочные удары, заставляя жителей кланяться «его величеству».

Нынешнее правительство Индии объединило княжества в крупные группы, поставив одного из князей во главе каждой из них и подчинив группы в значительной мере центральной власти страны. Однако князья сохранили свои титулы, доходы, земельные владения и привилегии. Этот компромисс устраивает обе стороны — индийскую буржуазию и князей. Он не устраивает только народы княжеств, так как им не стало легче жить и при новом порядке «независимой» Индии. Поэтому социальная борьба в княжествах не затихает ни на один день.

НАРОД В БОРЬБЕ ПРОТИВ РЕАКЦИИ

Многолетнее движение индийского народа за освобождение страны от британского владычества было предано индийской буржуазией, вступившей в сговор с англо-американскими империалистами.

За последние десятилетия выросла политическая сознательность масс, родились и окрепли кадры настоящих борцов за свободу Индии.

Во главе национально-освободительного движения стоит коммунистическая партия Индии, пользующаяся поддержкой миллионов беспартийных трудящихся.

Особенно сильны позиции компартии среди промышленных рабочих Индии в таких центрах, как Бомбей, Калькутта, Мадрас и другие. Сколько попыток ни предпринимала буржуазия для создания лжепрофсоюзов, чтобы внести раскол в рабочее движение, — индийский пролетариат остается верен своим профсоюзам, созданным под руководством коммунистов. Мощные забастовки железнодорожников, почтовых работников, работников коммунальных предприятий, государственных служащих дали возможность трудящимся одержать ряд серьезных побед.

Характерно, что в Индии приняли большой размах забастовки солидарности, показывающие истинную сплоченность трудящихся. В дни, когда произошло известное восстание на кораблях индийского флота, рабочие и интеллигенция немедленно пришли на помощь морякам. По стране прокатилась тогда волна забастовок и митингов такой силы, что правительству пришлось срочно идти на уступки.

В эти дни жизнь громадного Бомбея была полностью парализована: на улицах возникали баррикады, построенные рабочими и молодежью, выступившими в поддержку восставших моряков и требовавшими изгнания англичан из Индии.

Не меньшее влияние компартия имеет и среди крестьянства, особенно в Бенгалии, Хайдерабаде, на Малабарском побережье, в Андхра и ряде других мест. Лозунги компартии, требующей ликвидации помещичьего землевладения и передачи земли крестьянам, ликвидации задолженности ростовщикам и создания сельских кооперативов, находят живой отклик у индийских землепашцев.

Коммунисты завоевали любовь крестьянства и личным примером солидарности. Во время голода в Бенгалии бригады коммунистов работали во всех деревнях. Пока члены Национального конгресса отсиживались в городах и принимали длинные резолюции, коммунисты создавали в Бенгалии лагеря для голодающих, организовали походные кухни, снабжали голодающих одеждой и т. п. В других провинциях коммунисты создали бригады, которые собирали средства для борьбы с бедствием. Повсюду многие крестьяне и крестьянки отдавали последние гроши, кольца и серьги, чтобы помочь своим братьям в Бенгалии. Бригады компартии собрали средств больше, чем было ассигновано на помощь голодающим правительством. Даже буржуазная печать была вынуждена признать, что никто не сделал так много для спасения голодающих, как компартия Индии.

Улицы в старом Дели.

Активное участие в освободительной борьбе народа принимает и индийская интеллигенция. За последние годы выросла плеяда прогрессивных писателей и поэтов.

К этим прогрессивным силам принадлежит и Ассоциация народных театров Индии, поставившая известный и в СССР фильм «Дети земли». В съемках фильма артисты участвовали бесплатно. Правительство и кинопромышленники принимали все меры, чтобы сорвать работу над фильмом. Ассоциация не разрешила пользоваться киностудиями, установками для съемок и т. д. Тогда труппа выехала в деревни Бомбейской провинции и обратилась за помощью к крестьянам. Артисты рассказали, что фильм повествует о бенгальском голоде 1943 года. Они прочитали ряд докладов о том, как и почему на Бенгалию обрушилось это несчастье, о роли британского империализма в экономическом угнетении Индии и т. п. Крестьянство горячо откликнулось на призыв, и несколько деревень участвовали в съемках фильма. Это была первая кинокартина, в которой правдиво рассказано о жизни современной Индии...

Индийским писателям запрещалось писать о борьбе индийцев против англичан. Цензура безжалостно расправлялась с книгами, которые она считала антианглийскими. Несмотря на репрессии, писатели и поэты все громче говорили и продолжают говорить о необходимости ломки старых социальных порядков и об освобождении Индии. В частности, в Бенгалии создалась сильная группа писателей и поэтов, зовущих народ на освободительную борьбу.

Интерес к Советскому Союзу велик в Индии не только среди интеллигенции. Отделения Общества друзей Советского Союза созданы во всех крупных городах Индии, а кое-где — в селах и небольших местечках. Мне приходилось получать сотни писем от самых различных людей, из самых отдаленных уголков Индии с просьбой прислать фотографии из жизни СССР; разъяснить, что такое колхоз, как работают советские профсоюзы; правда ли, что в СССР нет безработных, и т. п.

Выставки советских фотографий и плакатов имели огромный успех. Одна из таких выставок — «Система народного просвещения в СССР» — была показана в Дели, где ее посетили тысячи жителей столицы. Учащиеся организовывали коллективные посещения. Посетители делали трогательные записи в книге отзывов. После этого выставка, обходя все крупные города Индии, путешествовала по всей стране.

Не раз ко мне приезжали представители какой-либо железнодорожной мастерской или предприятия и просили дать им несколько десятков фотографий, показывающих, как живут и работают трудящиеся в СССР, чтобы можно было выставить эти фотографии в помещении местного профсоюза или на предприятиях.

Работы В. И. Ленина и И. В. Сталина переведены на языки урду, хинди, маратский, бенгальский, телугу, тамильский, малаялам, пенджаби и другие. Советская художественная литература также издается на языках Индии. Шолохов, А. Толстой, Симонов, Эренбург — имена, хорошо известные индийской интеллигенции и передовым рабочим.

В индийском народе сильно понимание исторической роли советского народа в победе над фашизмом и в сплочении сил антиимпериалистического лагеря. Эти чувства индийского народа выразил недавно один индийский журналист, писавший, что «под Сталинградом решалась историческая судьба Индии — быть или не быть ей колонией иностранной державы».

Индийский народ не обманут брошенной ему из милости фальшивой «независимостью», его не обманет и политика крупной индийской буржуазии. Индийский народ с сочувствием и надеждой взирает на борьбу Советского Союза за мир, зная, что только отстаиваемые Советским Союзом принципы демократического мира, суверенитета и равноправия народов открывают путь к подлинному освобождению многомиллионного трудящегося народа Индии.

можно встретить бенгальских писателей и поэтов, ученых, артистов, идут споры о книгах, политике. Седовласые старцы, десятилетиями безмятежно изучающие склонение слов женского рода в санскрите или пракрите, и пламенные юноши, в своих стихах призывающие строить баррикады,— все встречается здесь за чашкой чая, доставленного из трактирчика, пытаясь придти между собой к недостижимому «компромиссу».

В этом отношении Бенгалия выделяется среди всех провинций Индии. Она имеет самую богатую литературу, ее фильмы отличаются наибольшей социальной остротой. В Калькутте есть несколько театров, влачащих, правда, жалкое существование на задворках города. Калькуттский университет самый солидный в Индии.

Символом бенгальской культуры все еще остается для многих великий поэт Индии Рабиндранат Тагор. Я не мог удержаться, чтобы не съездить в Шантиникетан, деревню, где Тагор основал свой собственный «университет». Шантиникетан расположен в трех часах езды от Калькутты, в сельской местности. По мысли Тагора, здесь должны были учиться молодые люди со всего света, среди природы, в духе абсолютно свободного воспитания. Занятия проходят в тени деревьев, в саду. «Жизнь прекрасна» — таков был лозунг шантиникетанской школы. «Делайте добро ближним» — таков другой лозунг.

Я беседовал с учениками и ученицами Шантиникетана. Они признают, что на фоне англоязычных учебных заведений Шантиникетан все же представляет собой прогрессивное явление — взять хотя бы тот факт, что обучение ведется на родном языке. Но более вдумчивые учащиеся напрямик заявляли мне, что атмосфера Шантиникетана всегда была, а после смерти Тагора стала особенно искусственной, тепличной. За лозунгом «Жизнь прекрасна» скрывается полный отрыв учащихся от реальной действительности, равнодушие к социальным проблемам, к нищете и голоду, царящим по соседству, в бенгальских деревнях. Учащиеся приучают любоваться цветами, танцами, картинами, но скрывают от них подлинную жизнь крестьян и рабочих, требуя, чтобы «политика» не проникала внутрь Шантиникетана. Если сам Тагор еще умел воспитывать у молодежи подлинный гуманизм, то теперь в Шантиникетане хозяйничают просто реакционеры, использующие шко-

Индийские прачки-мужчины.

И это происходит в цветущей Бенгалии, на плодородной земле которой трудолюбивый крестьянин может творить чудеса, выращивая самые драгоценные тропические культуры, собирая богатые урожаи!

Правда, за последние годы здесь кое-что изменилось. Хотя добрая толика урожая все еще идет в руки помещиков, но крестьянин уже не тот, что раньше. Крестьянские союзы — Кисан Сабха — и коммунистическая партия учат крестьянина, что земля по праву принадлежит ему. Поэтому агенты помещика, ростовщики уже не решаются с голыми руками идти за «своей» долей урожая. Их сопровождает полиция, а иногда и солдаты. Но нередки теперь случаи, когда и с помощью полицейских помещику не удается получить урожая: еще до их прихода урожай оказывается убранным и разделенным между крестьянами.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В Индии существует 563 княжества. Это отдельные государства, не подчинявшиеся ранее центральному правительству, а находившиеся в непосредственном подчинении «королю», то есть английскому королю. Во главе их стоят князья — раджи, магараджи, навабы, низамы и другие феодальные властители. Некоторые из княжеств достигают размеров средних европейских государств, другие представляют небольшие поместья. Одни из князей располагают несметными богатствами, как, например, низам Хайдерабада, которого считают самым богатым человеком в мире. Другие живут не богаче среднего помещика, но все же жадно цепляются за звание и привилегии.

Князья всегда были вернейшим оплотом англичан в Индии. Англичане умышленно давали им огромные субсидии. Они подбিরали наследников в случае смерти князя, имели своих уполномоченных, фактически руководивших делами княжества и всячески углублявших пропасть между населением и правящей династией, чтобы последняя могла полагаться только на помощь английских штыков.

Самое отсталое население в Индии — в княжествах. Поголовная неграмотность, болезни, нищета — таков удел трудящихся этих средневековых «государств». В некоторых из них еще существует рабство. В бытность мою в Индии в одном из восточных княжеств публично была продана с торгов женщина за то, что она не уплатила своевременно налогов. Ее вывели на площадь. Полицейский прочитал указ князя о продаже. Люди торговались, осматривали

«покупку», и наконец женщина была куплена за 20 рупий (около 30 рублей).

Трудящиеся уже издавна ведут борьбу против феодального гнета и призрачной власти князей. Они объединились в Конференцию народов княжеств, стремясь установить общие принципы борьбы и поддерживать друг друга в походе против феодалов.

Но в последние годы руководство конференции оказалось в руках соглашателей из Национального конгресса, которые приходят в трепет от малейшего упоминания о вооруженной борьбе народов княжеств.

На один из всендийских съездов Конференции народов княжеств, состоявшийся в Гвалиоре (Центральная Индия), собралось несколько тысяч делегатов. За городом раскинулся лагерь с палатками. Делегаты сидели на земле перед украшенной сценой и трибуной.

Власти княжества чинили съезду всяческие препятствия. В первый же день была сделана попытка поджечь лагерь делегатов. Во время заседаний в толпе шныряли десятки шпиков магараджи.

На самом съезде атмосфера накалялась. Некоторые делегации, как, например, из Кашмира, Хайдерабада, пенджабских княжеств, Биканера, требовали активной борьбы против князей, сотрудничества с компартией, свержения монархического строя. Съезд уже готовился принять резолюцию. Перепуганное правительство Индии командировало на самолете в Гвалиор премьер-министра Неру уговаривать воинственных делегатов. Неру выступил с речью, в которой доказывал съезду «неразумность» подобных решений. Он указывал, что правительство не может якобы обойтись без сотрудничества князей, которых

Картины голода в Бенгалии 1943 года (зарисовка из альбома индийского художника Шиттапрасада «Голодающая Бенгалия»).

лу для воспитания людей, слепых к страданиям народа...

В деревнях Бенгалии еще повсюду можно видеть следы страшной трагедии — голода 1943 года, унесшего три с половиной миллиона жизней. Много деревень пусто: хижин заросли бурьяном, джунгли наступают на дома, поля невозделаны. Это значит, что в 1943 году все население этих деревень вымерло или ушло на поиски пропитания в Калькутту, вернее, чтобы погибнуть от голода на ее улицах.

Картины голода в Бенгалии 1943 года (зарисовка из альбома индийского художника Шиттапрасада «Голодающая Бенгалия»).